

Экономическая история

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 80–88.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 80–88.

Научная статья
УДК 94(47).066
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-80-88>

ПАШНЯ В ГОРОДЕ: ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЫЖИВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ СЕРЕДИНЫ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.)

Алексей Викторович
Белов^{1,2}

¹ Институт Российской истории РАН

² Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Москва, Россия, belovavhist@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

Аннотация. Работа посвящена проблеме пашенного земледелия как части хозяйственной деятельности русского города Центрального региона страны. В том числе ее исторического центра, к которому относятся губернии Московская и Калужская. Городская сеть данных административных территорий выступает объектом настоящего исследования, хронологические границы которого охватывают период середины и второй половины XVIII столетия. Как в историографии, так и в общественном сознании прочно укоренилась мысль, что сельское хозяйство не является базовой формой городской экономики. Автор на основании впервые вводимых в научный оборот архивных документов показывает, насколько земледелие, выражющееся не в привычном для русского города садоводстве или огородничестве, а в хлеборобстве, занимало в жизни жителей городов и подгородных слобод не просто заметное, а обязательное место. Автор предпринимает попытку осветить основные формы и охарактеризовать главные центры данной формы хозяйственной деятельности. А также объяснить обусловленность этого промысла как устаревшими социальными и хозяйственными причинами, так и необходимостью решать жителями поселений остро стоящие перед ними насущные задачи. В основу исследования положен функционально-сетевой методологический подход, в основе которого характер города и круг его занятий определяется тем местом, которое город занимает в рамках городской сети, формирующей (и формируемой) устойчивым историческим регионом, превышающим своими рубежами полуформальные границы недавно созданных официальных административно-территориальных образований.

Ключевые слова: русский город, дореформенный город, XVIII в., городское хозяйство, пригород, слободы, посадские, сельское хозяйство, хлеборобство, земледелие.

Для цитирования: Белов А. В. Пашня в городе: особенности городского хозяйства и проблема экономического выживания (по материалам губерний Центральной России середины и второй половины XVIII в.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 80–88. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-80-88>

Сведения об авторе: А. В. Белов – старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории Российской академии наук, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; профессор кафедры философии и истории Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, 115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36.

Scientific Article

UDC 94(47).066

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-80-88>

ARABLE LAND IN THE CITY: FEATURES OF URBAN ECONOMY AND THE PROBLEM OF ECONOMIC SURVIVAL (A CASE STUDY OF THE CENTRAL RUSSIA PROVINCES IN THE MIDDLE AND SECOND HALF OF THE 18th CENTURY)

---

¹ Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences

Aleksey V. Belov^{1, 2}

² Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, belovavhist@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

Abstract. The article deals with the problem of arable farming as part of Russian cities economic activity in the Central region of the country, including the Moscow and Kaluga provinces belonging to the historical center. The urban network of these administrative territories is the object of this study, the chronological boundaries of which cover the period of the middle and second half of the 18th century. Both in historiography and in the public consciousness, the idea prevails that agriculture is not the basic form of urban economy. The author, based on archival documents introduced into scientific discourse for the first time, shows how agriculture, not in the form of gardening or horticulture which is customary for a Russian city, but in grain production, occupied not just a prominent, but an obligatory place in the urbanites' and suburbanites' lives. The author highlights the main types and characterizes the main centers of this economic activity form. The article also presents the following reasons for the development of this agricultural industry: outdated social and economic ones, as well as the need to solve urgent tasks. A functional-network methodological approach forms the basis of this study. According to it, the city character and the range of its residents' activities are determined by the place that the city occupies within the urban network that shapes (and is shaped by) a stable historical region that exceeds the semi-formal boundaries of recently established official administrative-territorial entities.

Keywords: Russian city, pre-reform city, 18th century, urban economy, suburb, sloboda, trades-people, rural economy, grain production, agriculture.

For citation: Belov, AV 2025, 'Arable Land in the City: Features of Urban Economy and the Problem of Economic Survival (a Case Study of the Central Russia Provinces in the Middle and Second Half of the 18th Century)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 80–88, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-80-88> (in Russ.)

Information about the Author: Aleksey V. Belov – Doctor of Science (History), Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dm. Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia; Professor of the Department of Philosophy and History of the Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia.

Введение: природа города и ее трактовка

Природа города (как ее принято и понимать, и изучать) имеет в своей основе одно из главных утверждений, которое гласит – город не есть деревня. Более того – он признается ее принципиальным и полным антиподом [1, с. 4]. Данное отношение, надо признать, имеющее под собой, в том числе, и определенное реальное основание. В связи с этим оно порождает устойчивое отношение к признакам города, и его главной – производственной категории, в основе которой лежит вполне объективное и принципиальное отрицание за городом сельскохозяйственной деятельности. Ведь именно передовой город с его техническими мощностями, торговой активностью и концентрацией новых сложных или прогрессивных форм (например, внешней торговли в Средние века [19, с. 235–253]), а не отсталая (аграрная, часто консервативная и слабая) деревня, является передовой силой на пути общественного развития. В этой трактовке город выступает в противовес деревни как «вершина цивилизационного прогресса» [5, с. 450].

Мы не будем останавливаться на парадоксальных неточностях, стоящих, как правило, на границе этой историософской парадигмы (например, на приморских городах и рыбном промысле или древних полисах), а обратимся к базовому противоречию – сельскохозяйственному производству в городе, осуществляющему руками его (города) обывателей.

Очень часто из внимания выпадает то обстоятельство, что экономике российских городов даже второй половины XIX в. было присуще многое черт, противоречащих традиционному пониманию типа именно городского хозяйства. Такие из аграрных промыслов, активно практикуемых их жителями, как скотоводство и огородничество (особенно развитое) можно отнести к задачам внутреннего потребления. Другой вид деятельности – садоводство – можно трактовать как форму не столько экономического, сколько мировоззренческого начала, присущего русской религиозной культуре, с ее интерпретацией и тиражированием образа «райского» сада. И хотя данные утверждения пусть формально (но все-таки весьма условно), объясняют аграрные промыслы в контексте и городского пространства, и городского хозяйства, они не снимают такую проблему, как хлебопашество. Жители русского города периода Средневековья и Нового времени были землепашцами, и эта их хозяйственная деятельность, где-то шла параллельно торговле, а где-то даже полностью ее вытесняла. Активный и массовый хлеборобный промысел, среди жителей городских посадов и слобод имел широкое распространение по значительной части территории страны, играя заметную роль даже в пореформенное время, на что есть прямые указания современников.

«Среди необозримых, засеянных хлебом полей стоит уездный городок на речке, впадающей в Дон в его маловодных верховьях. В сухое время та речка совсем иссыкает, и горожане испытывают всякого рода невзгоды и лишения от недостатка в воде. Хоть при каждом почти доме выкопан колодезь, но колодезная вода жестка и для варки пищи непригодна. Городок бедный, крыт соломой, по окраинам и в подгородных слободах Казачьей да Солдатской не в редкость и черные курные избы без трубы, с одним дымоволоком (волоковое окно для выхода из избы дыма). Улицы прямы, широки, но от малого езду травой поросли. Тонут дома в зелени яблонных, вишневых и грушевых садов, а кругом города ни лесинки – степь, голая степь. В том городишке нет никаких промыслов. Опричь попов да чиновников, горожане пашут землю, а зимой ездят в извоз, только тем и кормятся. Торговля в городке грошовая, с выгодой одной водкой торгают. Ярмарок нет, базары плохие, непривычному худо живется в том городишке» [6, с. 191–192].

Данное «разоблачительное» определение принадлежит перу Павла Ивановича Мельникова-Печерского, который помимо своей литературной известности был большим знатоком русских городов и весяй, являясь чиновником Министерства внутренних дел. В том числе исполнял должность чиновника по особым поручениям при главе Нижегородской губернии. При этом данная чиновником-литератором характеристика города относится ко второй четверти XIX в. Она точно описывает положение дел в хозяйстве городских жителей России второй половины XVIII столетия, причем не только хорошо известного автору Нижегородского края.

Если мы обратимся к материалам экономической статистики середины XVIII столетия, освещющей положение дел со всем в другой, Пензенской губернией, то увидим, что часть населения городов Верхнего Ломова [3, с. 569] и Нижнего Ломова [3, с. 598] (преимущественно однодворцы) параллельно с практикуемой ими торговлей (в основном местной) «промышел имеют хлебопашеством». При этом верхнеломовские однодворцы «землю обрабатывают сами», не нанимая крестьян со стороны [3, с. 569].

Население другого уездного центра Пензенского наместничества – Мокшан также промышляло торговлей на своем рынке, перепродаюая преимущественно продукты, «получаемые из других мест». Но при этом они в первую очередь («большей частию») получали источники пропитания («довольствовались») с земель, на которых выращивали хлеб. Одновременно с этим мокшанцы старались, помимо собственных пахотных земель, расположенных в рамках городского выгона, нанимать участки у других владельцев [3, с. 593]. Кроме них в «подгородных» (т. е. непосредственно примыкавших к территории бывшего посада) слободах, где проживали пушкари и солдаты (всего 325 дворов), местные занимались уже исключительно пашней. При этом, как отмечали современники-статистики, были к этому делу «раритетельны» [3, с. 593–594] (т. е. весьма внимательны и умелы). Причем имеющуюся у них землю они «обрабатывают всю на себя» [3, с. 594].

Подобное положение дел было в других местах края: Городище [3, с. 579], Инсаре [3, с. 581], Керенске [3, с. 584] и т. д. Надо сказать, что от небольших уездных центров не отставали и губернские города. Так, например, жители Липецка успешно совмещали «торговлю разными товарами» (в том числе «некоторые рогатою скотиною») и тем же «хлебопашеством» [3, с. 684].

Можно высказать гипотезу, что ориентация на производство зерна была присуща лишь южным регионам Центральной России, и была связана с наличием здесь недоступных на севере богатых черноземных почв. Кроме того, можно предположить, что данная форма поддерживалась большим числом осевших на пространстве до того приграничного и опасного Дикого поля служилых людей, наполнявших гарнизоны молодых и небольших крепостей. Это так, но только отчасти. Хлеборобство в неменьшей степени было присуще городским жителям так называемых «коренных губерний» Центральной России с ее старыми городами и неплодородными землями (суглинками, супесями и торфяниками).

Материалы и методы

Исследование простирано на принципах функционально-сетевого подхода, в рамках которого город рассматривается не как отдельный, оторванный от общей картины объект, а как часть региона. По преимуществу более масштабного и исторически устойчивого, чем официальный административно-региональный. За счет этого представляется возможным оценить потенциал города как часть единой городской сети, которой присуще пространственное распределение функций и статусов.

Работа написана на широком круге архивных источников, комплексе экономических примечаний, созданных в рамках проведения Генерального межевания, охватывающего период середины и второй половины XVIII в.

Хлеборобство в западных и юго-западных городах «коренных губерний»

Для рубежа XVIII–XIX вв., как, впрочем, и для более поздних периодов истории России (не говоря уже о ее ранних этапах [2, с. 16]) даже для самых развитых и центральных регионов страны, сельскохозяйственное производство выступало неотъемлемым качеством как сугубо городского промысла, так и городского образа жизни. Причем речь шла не об окраинных городах и их административных «пригородах», а о коренных районах городского пространства. В том числе о «столичном городе» Москве, где действовали департаменты Сената и стоял Императорский театр, демонстрирующие ее исключительный административный статус. При этом в городе даже в первые годы XX столетия, огороды являлись заметным фоном жизни.

Естественно, не выступали исключением и города второго (губернские), и уже тем более третьего (уездные) эшелона пространственно-поселенческой структурной сети Центральной России. Вопрос о так называемом «аграрном городе» уже поднимался в исследованиях. Но речь в них шла по преимуществу о садовом, а также огородном промысле «третьего рода людей» – мещан [7, с. 453]. Мы же хотим обратить внимание на иной, еще более «святотатственный» (с первого традиционного взгляда), аспект базового городского производства – землепашество.

Выращивание хлеба городским населением западных губерний Центральной России (Московской и Калужской) не являлось даже для XIX столетия каким-то из ряда вон выходящим явлением. Скорее даже наоборот. Пашенные земли выступали здесь обязательной частью так названного городского выгона, официально утвержденного за городом в ходе реформы города Екатерины II, на основании § 3 изданной ей Жалованной грамоты 1785 г. [4, с. 359].

Согласно данным генерального межевания к началу XIX в. в уездных центрах Московской губернии имелись обширные пашенные участки: в Богородске – 190 дес. из 779 дес. всех владений выгона, т. е. ровно 25%! [11, л. 1-3; 12, л. 1-2 об.] В Бронницах эта величина составляла уже 677 дес. [13, л. 1-8], Верее – 89 дес. [14, л. 1-14] и т. д. Даже в без преувеличения промышленном Серпухове, предприятия которого снабжали парусиной флот не только России, но и Англии, «в градской окружной меже» значилось 605 дес. пашни (28 % от ее выгона) [18, л. 1–15]. В поселениях Калужской губернии эти цифры были не меньше, а нередко даже еще больше.

При этом коренное городское население в своей деятельности охотно совмещало разные виды промыслов. Так, например, в наиболее промышленном центре Калужского края – Боровске жители окраинных деревень (крестьяне) занимались только ремеслом, и делали это с исключительной ориентацией на городской рынок Боровска. При этом его собственные мещане (т. е. представители городской корпорации) «довольствовались хлебопашеством».

Жители подмосковного Никитска (как сообщает нам статистическое описание) «торгу не имеют, а промышляют хлебопашеством, извозом в Москву, в оной даже ломкой с обделкою камня на месте, также жгут известь [и ее] отвозят на продажу» на рынки «первопрестольного» города [17, л. 1]. При этом даже купцы многих городов успешно пашут землю и сажают хлеб. Так, в Можайске имелась «незаселенная купеческая усадебная земля», которая «состоит вся в распашке 4 дес.», при этом она, как сообщает современник-статистик, «изрядно обрабатывается самими купцами». Для женщин этого города «полевые и огородные работы» также были основными. По сравнению с ними на второе место уходили типичные для прочих мест домашние рукоделия и торговля произведенным в зимние месяцы.

Кроме того, целый ряд городских поселений и их население вообще не занималось торговлей, предпочитая ему выращивание хлеба. Как сообщает источник,

«жители того города торгу не имеют, а промышляют хлебопашеством». В данном случае речь идет о городе Калужской земли Медыни и Московской – Бронницах.

Но особо масштабные земельные и пашотные владения находились в руках подгородных слобод, население которых сохраняло статус служилых людей: «прежде бывших служб стрельцов», «прежних служб беломестных казаков», «пашенная земля прежних служб пушкарей», «дача прежних служб стрельцов» «прежде бывших служб пушкарей».

Свою лепту в этот процесс вносили и церковные земельные владения, в том числе сохранившиеся по итогам секуляризации. По сути, каждый городской храм имел свои земельные наделы. Активно эксплуатировались луга, что, в общем-то, объясняется необходимостью обеспечивать транспорт, который в те годы был исключительно гужевой. Но имелись и участки пашни, которые священники городских храмов могли обрабатывать самостоительно, а также отдавать в наем своим же прихожанам. Так, например, в одном из описаний последней четверти XVIII в. мы можем прочесть: «Волоколамск... [земля] лежит возле церковной земли Воскресенского собору. К плодородию изрядная...лутше родится рожь и овес... Отдается в оброк в год по 5 рублей по 30 копеек волоколамскому купцу Василию Богатыреву, который и обрабатывает наемными людьми на себя» [16, л. 4 об.].

Одним из древних и торговых городов Московской губернии являлся Волоколамск. Издревле его жители были заняты в посреднической торговле между хлеборобными владимирскими опольями и богатым торговым, но нередко умирающим от голода Новгородом, не имевшим собственных житниц. По данным источников второй половины XVIII в.: «Жители ... города большей частию купцы и имеют торг не в одном только своем городе, но и в других городах, отправляют в Петербургскому порту от Галицкой пристани водой хлеб, пеньку, сало и лен, а другия шерстяными шелковыми, бумажными и мягкою рухлядью холстом и прочим мелочным и съестными припасами ...». При этом «купеческие и мещанские дети в Москве принимаются в сидельцы и обучаются разным мастерствам и рукоделиям» [15, л. 3 об.]. При этом жители подгородных слобод из «предместий того города», давно слившихся с Волоколамском, по данным тех же источников, «большая часть оных живут в бедности нанимая в уезде у разных владельцев землю пашут и сено косят и тем единственно свои промысел имеют» [16, л. 2].

Но и более древняя городская история, помноженная на нахождение поселения при важнейшей торговой артерии, не гарантирует сохранения городских форм хозяйства. Речь идет о славном городе Тарусе, которая истоками своими восходит еще к «земле вятичей», раннему государственному образованию, включенному позже в состав Черниговского княжества. К середине XVIII в. все местные жители «пропитание свое получали» преимущественно от хлебопашества [8, л. 3]. Ока, которая обогащала такие города, как Орел, Коломна, Рязань, и другие крупные рынки страны, хоть и была востребована тарусянами, но они не использовали ее маршрут для торговли. Жители города в основном нанимаются на корабли («нанимаются по стругам и баркам»), уходят на заработки в Серпухов [10, л. 3]. Некоторые «частию» (помимо основной деятельности) практиковали местную торговлю «по торжкам». Но основная масса жителей, как отмечал современник, занимались делом «касающимся вообще до крестьянства» [8, л. 3].

Для населения городов потенциал пашотной земли всегда имел важное место. При анализе данного обстоятельства оценка давалась, в том числе, землям старых (и не только) городских кладбищ. Применительно к ним указывалось, какой провиант может в случае использования принести городским жителям и эта остающаяся в их распоряжении пашня. «Город Боровск... В 4. 1. Кладбище Георгиевское. Пашни 1 дес. ... земля иловатая, хлеб родится посредственно. ... В. 7. 1. Кладбищи: Петропавлов-

ское. Пашни 1 дес. ... На суходоле, земля глинистая, хлеб рождается посредственно» [9, л. 119-121].

Выводы: противоречивость конечных оценок

В чем причина подобного положения дел – по сути исторического хозяйственного парадокса? В первую очередь в том, что парадокса здесь нет. Попытка наложить общую схему на конкретное развитие неизбежно дает ошибки, которые сперва списывают на неизбежную погрешность, а когда их число начинает зашкаливать – стараются просто не замечать. Общая магистральная дорога развития для всего человечества отсутствует. Причина несоответствия лежит совсем не в отставании или неполноценности. Ее обусловливают значительно больший и сложный ряд факторов, каждый из которых достоин особого анализа.

Что можно отнести к данным факторам?

Не в последнюю очередь то обстоятельство, что Российское государство середины XVIII в. даже в своей центральной части было непосредственно связано с рубежом фронтира. Близость границ и достижимость центральных земель страны, а также ограниченность ее защитных механизмов, вели к сохранению даже в центральной части государства принципа глубоко эшелонированной обороны. Эта система обороны основывалась на крепостях.

В связи с этим социальный состав населения (в первую очередь базирующегося в слободах «предмстий») часто носил характер военно-служилого населения. Изначально они были близки крестьянам, а не горожанам, тем более что оплатой за службу выступали земельные владения, которыми пушкари и казаки дорожили. Парадокс заключался в том, что к концу века разросшиеся посады городов часто слились с подгородными территориями, которые превратились в кварталы. Но сословная принадлежность давала себя знать и сохраняла, в меньшей или большей степени, обособленность. Особенно это было заметно на примере общин ямщиков.

Кроме того, необходимо учитывать проблему выживания, иными словами необходимость значительной части населения изыскивать средства для основной задачи – физического существования. И хлеб как основная форма продукта выступает здесь на первое место. Наличие своей земли давало возможность сразу и напрямую хотя бы отчасти, но уменьшить опасность никуда не уходящего голода. В связи с этим необходимо отметить, что выживание как фактор российской истории недооценен в научной практике. Его привлечение к оценке процессов национального исторического пути требует большего внимания и специальной разработки.

Список источников и литературы

1. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов / пер. с фр. К. Т. Топуридзе, С. Н. Тагер ; вводная ст. и ред. В. В. Покшишевский. М.: Прогресс, 1967. 424 с.
2. Борисов Н. С. Возвышение Москвы. М.: Русский мир, 2011. 576 с.
3. Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Витебская, Вологодская, Воронежская, Казанская, Курская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Псковская, Тамбовская, Харьковская губернии : продолжение / подгот. к изд. Д. А. Черненко, А. А. Голубинский, Д. А. Хитров. М.: Древлехранилище, 2022. 864 с.
4. Грамота на права и выгоды городам Российской империи (1785, 21 апреля) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-1). Т. 22. № 16187. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 358–384.

5. Домников С. Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Але-тейя, 2022. 672 с.
6. Мельников П. И. Полное собрание сочинений Мельникова (Андрея Печерского) : в 8 т. Т. 6: На горах. М.: Правда, 1976. 479 с.
7. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 576 с.
8. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 16. Оп. 1. Д. 926.
9. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454.
10. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 490.
11. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 743.
12. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 744.
13. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 745.
14. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 748.
15. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 752.
16. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 754.
17. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 779.
18. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 786.
19. Тихомиров М. Н. Древняя Москва, XII–XV вв. ; Средневековая Россия на международ- ных путях, XIV–XV вв. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. рабочий, 1992. 319 с.

References

1. Beaujeu-Garnier, J & Chabot, G 1967, *Ocherki po geografii gorodov* (Essays on the geography of cities), Progress publ, Moscow. (In Russ.)
2. Borisov, NS 2011, *Vozvusheniye Moskvy* (The Rise of Moscow), Russkiy mir publ, Moscow. (In Russ.)
3. Chernenko, DA, Golubinskiy AA & Hitrov, DA 2022, *Goroda Rossiyskoy imperii v materi- alakh Generalnogo mezhevaniya* (Cities of the Russian Empire in the materials of the General Land Survey), vol. 2, Drevlekhranilishche publ, Moscow. (In Russ.)
4. 'Gramota na prava i vygody gorodam Rossiyskoy imperii (1785, 21 aprelya)' (Certificate of Rights and benefits to the cities of the Russian Empire. 1785. 21 April) 1830, *Polnoye so- braniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 1-ye* (The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1), vol. 22, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Yego- Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ, St. Petersburg, pp. 358–384. (In Russ.)
5. Domnikov, SD 2022, *Mat-zemlyai Tsar-gorod. Rossiya kak traditsionnoye obshchestvo*. (Earth Mother and the Tsar City. Russia as a traditional society), Aleteyapubl, Moscow. (In Russ.)
6. Melnikov, PI 1976, 'Na gorakh' (On the Hills), *Polnoye sobraniye sochineniy Melnikova (An- dreya Pecherskogo v 8-mi tomakh* (The complete works by Melnikov (Andrey Pecherskiy) in 8 volumes), vol. 6, Pravda publ, Moscow. (In Russ.)
7. Milov, LV 1998, *Velikorusskiy pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* (The Great Russian ploughman and the peculiarities of the Russian historical process), Rossppenpubl, Moscow. (In Russ.)
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* (The Russian State Archive of Ancient Acts), fund 16, inventory1, file 926. (In Russ.)
9. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 454. (In Russ.)
10. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 490. (In Russ.)
11. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 743. (In Russ.)
12. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 744. (In Russ.)
13. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 745. (In Russ.)
14. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 748. (In Russ.)
15. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 752. (In Russ.)
16. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 754. (In Russ.)

17. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 779. (In Russ.)
18. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 786. (In Russ.)
19. Tikhomirov, MN 1992, *Drevnyaya Moskva XII–XV vv.* (Ancient Moscow of the 12th–15th centuries), Moskovskiy rabochiy publ., Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.11.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 08.11.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025